

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ КАК САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ

С. Н. Амельченко
Магнитогорск

ДОЛЖНОЕ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Выступая на XVIII Всемирном философском конгрессе, Э. Агацци доказывал, что понимание должного — главное, что выделяет человечество из биологической среды и утверждает его особый надприродный статус: «У животных нет никакого «как должно быть», к которому они осознанно стремились бы или которое пытались рационализировать. Напротив, человек предполагает свою цель, представляет ее наперед, и его действия оцениваются по тому, насколько они ведут к этой цели» (1). Обратившийся в свое время к данной проблеме И. Кант рассматривал должное как о то, что отсутствует в эмпирической реальности, принадлежит чистому миру интеллигибельных идей, но «может стать действительным благодаря нашему поведению, и притом сообразно именно с этой идеей» (2). Иначе, но в этом же направлении высказывался Г. Зиммель, который, размышляя о творческой стихии жизни, полагал, что она, будучи охвачена силой человеческого духа, подчиняющего ее доминирующей идее, облекается в культуру, воплощаясь в ее различные формы. Признавая субстанциальное различие между жизненной стихией и упорядочивающим ее духовным началом, Зиммель утверждал, что «всякое мировоззрение на известной высоте не смущается подобными логическими трудностями, и там, где встречаются обычно чуждые друг другу бытие и долженствование, можно с уверенностью сказать, что именно здесь центральная точка всей системы» человеческого существования (3). Категория должное использовалась и отечественными философами, обратившимися к осмыслению сущности культуры. Так, Н. З. Чавчавадзе усматривал ее в ценностно-ориентированной деятельности людей, посредством которой получают опредмечивание их представления о совершенном образе жизни: «Культура есть не что иное, как реализация идеально-ценностных целей, как «переселение» ценностей из мира должного в мир сущий, не что иное, как осуществление идеала» (4).

В приведенных высказываниях категория должное представлена в метафизическом плане, не имеющемся в эмпирической реальности, и потому, по мысли Канта, не уловимом для строгого научного познания, нацеленного на то, что есть, присутствует в сущем. Это обстоятельство не отменяет возможности философского осмысления должного и расширения его содержания.

Выступая на выше упомянутом конгрессе, Агацци в одном из разделов своего доклада, названном «Человек и сфера «должного»», указывал на то, что «в собственно «человеческих действиях», как бы просты они ни были (не говоря уже о таких высоких уровнях, как моральные действия), обязательно наличествует это самое «как должно быть», пронизывающее, таким образом, всю сложную иерархию человеческой деятельности сверху донизу» (5). Так как все предметно-процессуальное многообразие человеческого существования является реализацией должного, в нем следует выделить несколько аспектов.

Во-первых, должное представляет идеальную цель и, как было сказано еще Аристотелем, воспринимается как то, *к чему* необходимо стремиться: «Разве познание его «блага» не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки, видя мишень перед собой, разве не вернее достигнем мы должного?» (6). О должном как умозрительном идеале, нацеливающем человека на определенные действия, говорил Агацци. Должное в структуре мировоззрения было обозначено И. Я. Лойфманом, согласно которому «мировоззренческие идеалы выступают в форме чувственно-обобщенных образов, в которых желаемое представляется как должное, ... мировоззрение устанавливает и обосновывает конечные цели и должное направление деятельности человека» (7).

Таким образом, должное следует рассматривать как синкретичный модус мировоззрения, аккумулирующий представления субъектов деятельности об истине, добре, красоте и мн. др. Должное возникает в индивидуальном и общественном сознании в виде идеалов, целей, умозрительных проектов, благодаря развившейся в культурно-исторической практике уникальной человеческой способности трансцендентально выходить за пределы заданного бытия и в мысли создавать его улучшенный вариант.

Во-вторых, должное увязывается в понимании человека с тем, *как* необходимо действовать, чтобы реализовать тот или иной умозрительный замысел, и, согласно суждению Аристотеля, представляет некий социальный показатель, с которым соизмеряются нрав и практические навыки людей: «Потому [добродетель означает обладание серединой], что как в страстях, так и в поступках [пороки]

преступают должное» (8). Доказывая, что должное раскрывается в самом процессе действия, проявляясь в безупречной технике его исполнения, Агацци заявлял: «В таких случаях «как должно быть», «совершенство», «идеальная форма» — все это скорее относится к способу, *каким осуществляются эти действия*» (9). Уточняя данную мысль, он говорил, что специфика человеческой жизнедеятельности выражается в том, что она происходит в соответствии с определенными нормами и правилами. При этом правила «конститутивны», «гипотетичны», позволяют эффективно организовать деятельность и получить желаемый результат, удовлетворяющий те или иные материальные потребности людей. Нормы же «прескриптивны», «категоричны», так как предписывают совершать действия в строгом смысле, основной целью которых является некое безусловное благо, как ценность в себе и для себя. В проведении различия между правилами и нормами Агацци усматривал аналогию с кантовским различием гипотетического и категорического императивов. При этом и в том, и в другом случае речь идет о реализации различных ценностей независимо от их нейтрального либо непосредственного отношения к нравственности. Поэтому, убеждал Агацци, вся человеческая деятельность объясняется наличием определенных ценностей, и, следовательно, является воплощением должного. Таким образом, должное проявляется в процессах жизнедеятельности людей в виде способов, методов, принципов, правил, приемов, позволяющих реализовать поставленные цели и на практике продемонстрировать то, как должно быть исполнено задуманное. Должное обнаруживается в поведении и действиях отдельных индивидов, а также в разнообразных масштабных предметно-преобразующих технологиях усовершенствования человеческого существования.

В-третьих, должное означает такое состояние действительности, которое максимально полно соответствует идеальному замыслу субъекта деятельности, являя собой результат успешного достижения цели. Представляя собой то, *что* становится завоеванием человечества в процессе его культурно-исторического развития и оценивается «как должное», данная категория сопрягается с понятиями эталон, образец, а также идеал, ценность, норма в их опредмеченной, репрезентативной форме. Таким образом, должное является «ценным, положительным, «нормальным» положением дел» (10).

Из сказанного следует, что должное, пронизывая всю структуру человеческой жизнедеятельности, является интенционально-процессуально-результативным соизмерением фактической реальности и ее уходящей в далекую перспективу ценностно-ориентиро-

ванной модификации, переводимой усилиями людей из потенциальной возможности в актуальную действительность.

В этом исследовательском ключе культура предстает как совокупность разнообразных процессов нормализации сущего и онтологизации должного в их диалектическом взаимодействии, охватывающем все сферы человеческого существования. Многомерность сущего и должного и разнообразие их связей позволяют внести дополнительные штрихи в объяснение полифункционального бытия культуры. Осознание должного всегда начинается с появления некой проблемы, определение которой увязывается с гносеологической функцией культуры, позволяющей как отдельному человеку, так и обществу в целом ставить желанные и необходимые цели в процессах познания с использованием различных способов освоения реальной действительности. Конкретизация должного происходит на основе появившихся знаний и представлений о мире с учетом оценки сложившегося положения дел и имеющихся у субъектов деятельности сил и возможностей. Уяснение должного облекается в умозрительные программы, планы, образы, модели и другие формы предполагаемого усовершенствования сущего, включаясь в аксиологическую и проективную функции культуры. Реализация должного совершается с использованием норм и правил, соответствующих различным видам жизнедеятельности, а также поставленным целям. Воплощение должного сопрягается с нормативной и предметно-преобразующей функциями культуры, посредством которых создается пространство человеческого существования, отличающееся ценностной целесообразностью от естественно-биологической среды.

Помимо обозначенных функций, культура оперирует и другими, не менее значимыми, в которых должное раскрывается в диалектическом единстве его предметно-процессуальных аспектов. Одной из важнейших является человекотворческая функция культуры, посредством которой путем воспитания и обучения передается социально-значимый опыт новым поколениям, в их сознании формируется представление о должном, благодаря чему они обретают общепринятые идеалы, вырабатывают убеждения и ценностные ориентации, осваивают необходимые нормы, методы и принципы деятельности, формируют свою жизненную позицию. Все виды ценностно-ориентированного существования людей становятся возможны благодаря коммуникативной функции культуры, позволяющей им на основе диалога друг с другом соизмерять понимание должного, демонстрировать свои открытия и достижения, обмениваться ими, повышая возможности совершенствования и раз-

вития социокультурного бытия как на единичном, так и всеобщем уровне.

Должное является свидетельством вечного стремления человечества к идеалу, становясь пусковым механизмом статики, либо динамики культуры. Если народы в своем культурном бытии следуют заветам предков, стремясь возродить их «золотой век» в своем образе жизни, должным становится благоговейное отношение к ценностям прошлого, безоговорочное подчинение традиции, аккумулирующей опыт поколений, гарантирующей в восприятии ее носителей стабильное настоящее и благополучное будущее. Данная установка в понимании должного формирует ценностно-смысловое пространство традиционной культуры. Если же должное, становясь основой критики настоящего и прошлого, полагается в будущем, выступая как гипотетически возможное необходимое и желанное бытие, оно задает импульс инновациям, стимулирует прогресс, побуждая субъектов деятельности выходить за границы ранее известного бытия и подвергать его всестороннему реформированию. Данная установка в понимании должного образует ценностно-смысловое пространство динамично развивающейся, модернизирующейся культуры.

Разновекторная интерпретация должного часто становится источником конфликтов, возникающих между творцами и носителями различных типов культуры. Поэтому важнейшим фактором ее развития является принятие такой формулы должного, которая помогла бы субъектам культуры строить диалог и обогащать социально-значимый опыт друг друга, искать и находить такую основу плодотворного взаимодействия, на которой их различия между собой не только не подавлялись бы и становились сопоставимы, но и необходимы для выявления своей и иной уникальности. Установка на толерантность и достижение консенсуса в понимании должного, актуализация его нравственного содержания позволяет сохранить многоликость человечества, укрепить и развить бесконечное разнообразие мировой культуры.

1. Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеке в человеке. М., 1991. С. 67.

2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 279.

3. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избр. В 2 т. М., 1996. Т. 1. Философия культуры. С. 497.

4. Чавчавадзе Н. З. Внешние и внутренние факторы развития культуры / Культура и общественное развитие. Тбилиси, 1979. С. 23.

5. Агацци Э. Человек как предмет философского познания. С. 64-65.

6. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 55.
7. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии. Екатеринбург, 2002. С. 6-7.
8. Аристотель. Никомахова этика. С. 87.
9. Агацци Э. Человек как предмет философского познания. С. 65.
10. Судаков А. К. Должное и сущее // Этика: Энциклопед. словарь. М., 2001. С. 123.

Т. Г. Аносова, Т. Г. Бурдина
Екатеринбург

ДУХОВНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Проблемы духовности латентно присутствуют в каждой философской концепции при обсуждении нравственности, морали и этики.

Социальное действие запускается, направляется и регулируется психикой, имеющей многоуровневую и внутренне качественно разнородную структуру. К нижним ее уровням тяготеют инстинкты (Юнг, архетипы коллективного бессознательного), пре- и перинатальный опыт (Грофф) и др. На высшие уровни (ограничения и пределы которых никому не известны) психику выводит так называемая «духовная вертикаль», которая включает такие общекультурные аспекты, как познавательный, этический, эстетический, религиозный.

По нашему мнению, духовность — это высшие, до конца рационально невыразимые интенции бытия личности, вербально и невербально представляющие ее наиболее значимые ценностные ориентиры. Духовность — некая великая Вертикаль, выстраивающая личность, задающая смысл и значение ее деятельности, охраняющая ее от возможных ошибок, поддерживающая в кризисных ситуациях, главный вектор ответственности личности.

Социальная специфика всякого человеческого действия обусловлена тем, что в его организации так или иначе задействована рациональность. Но это не означает, будто весь психический массив в его цельности, породивший данное действие, исчерпывается одной рациональностью. Внерациональные и даже иррациональные аксиологические, ценностные компоненты неустранимы и могут быть несколько не менее существенны.

Тема соотношения научного и вненаучного (в особенности — религиозного) знаний весьма активно обсуждается в современной литературе. Диалог науки и религии, по нашему глубокому убеждению, должен разворачиваться в рамках толерантности — осознания прежде всего сущностного различия научного и религиоз-